

УТВЕРЖДАЮ:
Ректор Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Московский педагогический
государственный университет»

А.Л. Семенов

2014г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

**федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Московский педагогический государственный университет»
о диссертации Михаила Александровича Сущина
«КОНЦЕПЦИЯ СИТУАТИВНОГО ПОЗНАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата философских наук по специальности
09.00.01 – онтология и теория познания**

Актуальность избранной диссертантом темы исследования определяется, прежде всего, ее значимостью для современных исследований сознания, деятельности мозга и познавательного процесса. Философское осмысление достижений в области искусственного интеллекта, психологии, других наук, входящих в когорту связанных друг с другом дисциплин, называемой когнитивистикой, является необходимым условием продвижения не только в понимании сущности сознания и познания, но и в применении получаемых в этой сфере знания результатов на практике (например, в управлении социальными и техническими системами, в робототехнике и т.п.).

Актуальность работы М. А. Сущина состоит и в том, что в ней рассматриваются проблемы концепций «распределенного» и «ситуативного познания», которые в последние годы широко обсуждаются не только в когнитивных науках, но и других областях знания. Названные концепции противопоставляются в диссертации так называемой «вычислительной концепции познания», в которой «главным действующим лицом» является индивидуальный гносеологический субъект, а результатом познавательной деятельности - следствие его мыслительных операций, подобных операциям калькулирования.

Кроме этого, актуальность диссертационного исследования связана еще и с тем, что в отечественной философии не так уж много работ, связанных с заявленной автором работы проблематикой.

В диссертации М. А. Сущина, которая состоит из трех глав и восьми параграфов, ставится **цель**, используя материалы научных исследований в области психологии, нейрофизиологии, теории искусственного интеллекта и когнитивной антропологии, а также философских исследований когнитивистики, «выявить и критически проанализировать основные положения концепции «ситуативного познания» (с. 11).

Достичь поставленной цели автор предполагает, решая основные задачи (их всего пять), формулировки которых отличаются четкостью и конкретностью (с.11-12).

В первой главе – **«Ситуативный подход в когнитивной науке: общие постулаты и принципы»** – автор обращается к историческим предпосылкам возникновения концепции «ситуативного познания» и анализирует ее базисные идеи и принципы.

В первом параграфе – **«Вычислительные модели разума и познания в когнитивной науке»** диссертант, опираясь на работы А. Тьюринга, У. Найссера и Н. Хомского прослеживает генезис так называемой «вычислительной» концепции познавательного процесса в общем плане. Здесь же подробно исследуется ее частный случай – вычислительная теория зрения Д. Марра, являющаяся, по мнению М. А. Сущина, хрестоматийной иллюстрацией зрелой вычислительной когнитивной науки «в действии» (с. 24), в основе которой лежала идея о том, что процесс распознавания объектов и ситуаций с помощью зрения является ничем иным как вычислением. М. А. Сущин показывает, что в своих исследованиях Д. Марр приходит к выводу о том, что изучение процессов обработки информации естественными и искусственными системами необходимо вести на трех уровнях: вычислительная задача, система репрезентации и алгоритма, и, наконец, - физическая реализация.

Далее автор диссертации рассматривает аргументы критиков «вычислительной концепции», которые, по его мнению, и стали основанием для возникновения концепций, расширяющих познавательную активность за пределы индивидуального ума.

Во втором параграфе – **«Познание как «ситуативная активность» – ключевой принцип «ситуативного подхода» в когнитивной науке»** – автор диссертации, анализируя работы Р. Брукса, Э. Кларка, М. Уилсон, показывает, что главной идеей концепции «ситуативного познания» является идея контекстуальности познания, его зависимости от условий конкретной ситуации. Здесь же делается вывод о том, что «принцип ситуативности» «несет в себе вполне конкретное практическое содержание, во многом характеризующее методологию целого направления в современном искусственном интеллекте и робототехнике» (с. 46).

В завершении параграфа М. А. Сущин обращает внимание на определенные недостатки этой концепции, связанные с необоснованной гиперболизацией роли

контекста в формировании когнитивного результата и исключением самой возможности независимости когнитивной деятельности от среды.

Третий параграф – **«Проблема связи восприятия и действия»** – посвящен анализу проблемы отношения «восприятие – действие», которая является одной из важнейших в разработке концепции «ситуативного познания». Автор работы показывает, что в исследованиях процесса познания таких зарубежных и отечественных авторов, как А. Бергсон, М. Мерло-Понти, Ф. Варела, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, Н.А. Бернштейн, Е.Н. Соколов обнаруживаются идеи, которые лежат в основаниях современных подходов к пониманию взаимосвязи восприятия и активности субъекта. Особо важную роль в понимании этой связи, по мнению диссертанта, сыграла экологическая концепция восприятия Дж. Дж. Гибсона.

Рассматривая аргументы сторонников идеи неразрывной двухсторонней связи восприятия и действия (П. Черчленд, В. Рамачандран, Т. Сейновски, Дж. Риццолатти и др), диссертант обоснованно отмечает их определенную слабость и делает вывод о том, что «поведенческий образ перцептивных процессов в целом не противоречит информационной точке зрения, согласно которой восприятие, в той или иной мере, представляет собой построение образов, представлений и моделей действительности» (с. 57).

В завершающей части параграфа представлен подход Д. Милнера и М. Гудейла, в котором предлагается анатомически и функционально различать системы «восприятия для распознавания» и «восприятия для немедленного моторного контроля», что, с точки зрения диссертанта, позволяет уйти от «необходимости в «жестком» противопоставлении деятельностного и созерцательного аспектов восприятия» (с. 61).

Четвертый параграф первой главы – **«Телесная обусловленность познания, предшественники «ситуативного подхода», краткое подведение итогов»** – раскрывает суть одной из главных идей «ситуативного познания», связанной с телесной обусловленностью познавательного процесса. Автор обращает внимание на различия в трактовке термина «воплощение» в современных когнитивных исследованиях, на связь концепции «воплощенного разума» Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош с идеями М. Мерло-Понти и Дж. Дьюи.

Подводя итоги исследований, проведенных в первой главе, диссертант отмечает, что «было бы неверно представлять дело так, будто вся познавательная активность непременно сводится к взаимодействию с текущей средой, с наличными, актуальными в данный момент ситуациями реального мира» (с.67), что существенное значение здесь имеет и языковая деятельность. Сразу же, после прочтения первой главы диссертации,

видно, что автор свободно владеет материалом, проблематикой, постоянно держит в поле зрения общий замысел работы.

Во второй главе – **«Перспектива «социально распределенного» и «расширенного» познания»** – представлен анализ концепции «социально распределенного познания» (Э. Хатчинс) и «расширенного познания» (Э. Кларк и Д. Чалмерс), интерес к которым автор объясняет их схожестью с концепцией «ситуативного познания».

В первом параграфе – **«Точка зрения «расширенного» и «социально распределенного» познания: предыстория, содержание, обоснование»** – М.А. Суцин, как видно из названия параграфа, обращается, прежде всего, к истории возникновения концепции «распределенного познания». Он убедительно показывает, что идея о том, что познавательный процесс осуществляется не без взаимодействия индивидуального разума и элементов его окружения, не без влияния на него объектов материального мира и других индивидов, представлена уже в одной из работ Г. Саймона.

Рассматривая далее концепции К. Поппера («эпистемология без познающего субъекта») и Э. Ильенкова (его концепцию «идеального»), которых автор считает «наиболее яркими выразителями антииндивидуалистической, объективистской линии в современной эпистемологии» (с.76), а также теорию психологии народов В. Вундта, диссертант приходит к выводу о том, что тотальное доминирование в когнитивной науке конца прошлого века индивидуалистического понимания познания сказалось, по его мнению, и на современной когнитивной науке (с.77).

Такой подход к познавательной деятельности, отмечает автор, вызвал в последние двадцать лет волну критики, которая была реализована в целом ряде альтернативных концепций. Одной из первых в этом ряду была концепция «социально распределенного познания» Э. Хатчинса, которая затем достаточно подробно рассматривается в диссертации.

Диссертант показывает, что в своих рассуждениях Э. Хатчинс опирается на гипотезу о том, что познавательные процессы могут быть распределены между различными людьми, а также артефактами таким образом, что вместе они могут решать когнитивные задачи, недоступные ни для кого в отдельности. Свою гипотезу Э. Хатчинс подтверждает материалами полевого исследования решения навигационной задачи на военно-морском судне, которые представлены в диссертации. Завершая рассмотрение предложенной Э. Хатчинсом модели познавательного процесса, автор отмечает, что она «расходится с традиционным взглядом на познание как на внутреннюю (ментальную/нейронную/телесную) активность индивидуальных субъектов», который

«был почти непререкаемой догмой как для когнитивной науки, так и для научной психологии в общем с самого момента их формирования» (с. 87).

В завершающей части параграфа представлено содержание и обсуждаются аргументы в поддержку точки зрения Э. Кларка и Д. Чалмерса, которые считают, что решение той или иной когнитивной задачи осуществляется путем взаимодействия субъекта с окружающей средой: артефактами, другими индивидами и даже социальными институтами и культурными нормами.

Во втором параграфе – **«Несостоятельность теории «расширенного познания», проблемы концепции «социально распределенного познания»** – представленный выше подход к познавательной деятельности Э. Кларка и Д. Чалмерса обсуждается с критической точки зрения. М.А. Суцин обращает внимание на серьезные проблемы, с которыми, так или иначе, сталкивается теория «расширенного познания». Опираясь на работы Д. О'Брайена и Д. Вейскопфа, диссертант показывает, что одна из этих проблем связана с «механизмом» интеграции информации, происходящей в когнитивных процессах. Другая проблема, по мнению автора, состоит в невозможности провести убедительные границы когнитивной системы, они определяются произвольно. Все это вместе взятое, с его точки зрения, показывает, что «теория «расширенного разума и познания» Э. Кларка и Д. Чалмерса является теоретически и методологически несостоятельной – ее центральные положения содержат в себе серьезнейшие изъяны, которые ведут к неприемлемым и весьма проблематичным следствиям» (с. 102-103).

В завершение параграфа делается вывод, что для принятия гипотезы о социальной распределенности познания недостаточно наличия возможности применения к анализу операций сложных социокультурных систем традиционной вычислительной метафоры раннего когнитивизма. Вместе с тем, в диссертации подчеркивается, что анализируемая концепция имеет и вполне определенное достоинство: она акцентирует внимание на родовой связи познания с культурой, которая, в силу этого, должна быть включена в сферу интересов современной когнитивистики.

В третьей главе – **«Социокультурная обусловленность познания и когнитивная наука»** – рассматриваются методологические проблемы, возникающие в процессе изучения влияния социокультурной среды на познавательную деятельность и её результаты, а также его перспективы.

В первом параграфе – **«Необходимость учитывать фактор культуры в современных исследованиях познания»** – диссертант, используя работы М. Коула, формулирует и обсуждает наиболее важные, с его точки зрения, проблемы

методологического характера, существенным образом осложняющих разработку культурно-ориентированных теорий в когнитивной науке.

Первой и, с его точки зрения, основной является проблема, коренящаяся в уверенности исследователей в том, что «когнитивная наука ... не может иметь дела с культурой не потому, что культурное окружение не оказывает никакого влияния на работу интеллекта или познания, а потому, что это влияние осуществляется через некие предполагаемые универсальные и общие для всех людей когнитивные механизмы, которые и должны быть подлинным объектом изучающих познание дисциплин» (с.107).

В противовес этому диссертант обоснованно утверждает, что «культурное влияние на познание не просто преломляется через базовые биологически заданные когнитивные механизмы – оно само активным образом способствует их формированию и развитию» (с. 111).

Вторую важную методологическую проблему в исследованиях познания, учитывающих влияние на него социокультурных факторов, автор диссертации видит в том, что интерес к фактору культуры в когнитивной науке «излишне усложняет задачу многим и без того весьма проблематичным областям когнитивных исследований» (с. 111).

В завершающем третью главу параграфе – **«Возможные пути культурно-ориентированной когнитивной науки»** – обсуждаются перспективы и возможные концептуальные варианты современных концепций познания, учитывающих влияние культуры.

Опираясь на материалы исследований Э. Кларка и Э. Хатчинса, связанных с пониманием развития индивидуального познания, диссертант выявляет в них общую тенденцию. Тенденцию «того, как системы физических артефактов «вклинивались» в структуру человеческой деятельности, перенимая на себя способы решения задач, которые в более традиционных практиках осуществлялись лишь мысленно, «в голове», замещая...естественные психические функции инструментальными, опосредованными» (с.122).

Проведенный автором диссертации анализ послужил ему основанием для предположения о том, что теория «социокультурных лесов» или «поддержанного средой познания» вполне может быть «рассмотрена в рамках более целостного и систематического взгляда на отношение познания и культуры» (с. 123), каковым, по мнению диссертанта, является «культурно-историческая теория» (Л.С. Выготский).

В связи с этим, автор диссертации обращается к базовым идеям теории развития высших психических функций Л.С. Выготского, акцентируя внимание на значимости его учения о планирующей и организующей функции речи для современных дискуссий

вокруг «ситуативного познания», влиянии его идей на исследования Дж. Брунера, Э. Кларка, М. Коула, М. Томаселло и др.

Завершая параграф, автор делает вывод о том, что достижение адекватного понимания индивидуального познания возможно лишь при условии учета влияния культурного контекста.

В **Заключении** диссертации в обобщенном виде представлены краткие итоги проделанной работы, которые свидетельствуют о том, что диссертант успешно справился с поставленными задачами, уверенно работает с представленной в библиографии литературой, хорошо знает фактический материал, имеет свою точку зрения по рассматриваемым вопросам, которую четко представляет в тексте, формулирует оценки тех или иных позиций, делает свои собственные выводы по обсуждаемым вопросам.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней:

- впервые в русскоязычной литературе представлен философско-методологический анализ одного из ведущих теоретических подходов в современной когнитивной науке, называемого ситуативным;
- установлена связь современных версий «ситуационного познания» и предшествующих им философских и научных представлений о роли социокультурных факторов в познавательной деятельности;
- на основе проведенного критического анализа концепции «расширенного познания», называемой нередко концепцией «распределенного познания», показано, что предъявляемые аргументы в защиту ее состоятельности недостаточны для ее безусловного принятия;
- выявлены актуальность и современное значение культурно-исторической теории Л.С. Выготского для современной когнитивной науки;
- обосновано положение о том, что при исследовании культуры в современной когнитивистике преимущество должно отдаваться «ситуативному подходу».

Сказанного вполне достаточно, чтобы оценить диссертацию М.А. Сущина как состоявшееся оригинальное исследование, текст которого отличается высоким теоретическим уровнем, внутренним единством, четкостью структуры, рассуждений, обоснованностью выводов, хорошим стилем изложения и, главное – достаточной новизной полученных результатов. Специально хотелось бы отметить наличие явно выраженного метауровня исследования, рефлексии по поводу представленного изложения, что выражается формулированием собственных вопросов, ответы на которые предлагаются в том или ином фрагменте текста диссертации (что, к сожалению, не так часто встречается в кандидатских (и не только) диссертациях).

Вместе с тем, это не исключает того, что по тексту диссертации можно высказать следующие замечания:

1. Отмечая глубокое проникновение автора диссертации в проблематику, связанную с темой работы, нельзя не отметить того, что вне поля его зрения остались достаточно хорошо известные работы социологов, непосредственно связанные с вопросами, обсуждающимися в диссертационном исследовании (например, работы Э. Дюркгейма и Л. Флека, М. Дугласа, Л. Томпсона и Г. Файна и др.).
2. Справедливо говоря о роли символической логики в становлении «вычислительной модели» познавательного процесса, автор совершенно не затрагивает вопроса о роли современной логики в становлении его «ситуативной модели» (таких ее направлений, как неформальная логика, «критическое мышление», «ситуационная логика»).
3. В работе отмечается, насколько важен вопрос о роли языка и речи в обсуждении проблем познания, возможности культурно-ориентированной когнитивной науки (в частности, в связи с обращением к идеям Л.С. Выготского), однако эта проблематика (связанная с языком) представлена в диссертации лишь эскизно.
4. При рассмотрении той или иной точки зрения, диссертант увлекается фактологией, подробностями, деталями, что иногда заслоняет собственно философский или методологический анализ (параграфы 1.3, 2.1, 3.2).

Высказанные замечания имеют частный характер и не снижают нашей общей высокой оценки теоретического уровня, научной новизны и практической значимости выполненного М.А. Суциным диссертационного исследования.

Диссертация М.А. Суцина является самостоятельным, законченным научным исследованием. Положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, также убедительно обоснованы с точки зрения современных философских и методологических исследований, представлены в ведущих философских журналах «Вопросы философии» и «Философские науки»

Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы при разработке и чтении учебных курсов по теории познания, философии науки, когнитивистике.

Автореферат и публикации автора полностью отражают основные выводы и теоретические положения диссертации.

Диссертация М.А. Сущина удовлетворяет требованиям пунктов 9, 10, 11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, в ней содержится решение задачи, имеющей существенное значение для развития исследований в области онтологии и теории познания.

Автор диссертации «Концепция ситуативного познания в когнитивной науке: критический анализ» Сущин Михаил Александрович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания.

Отзыв составлен доктором философских наук, профессором Яшиным Борисом Леонидовичем, обсужден и единогласно утвержден на заседании кафедры философии Московского педагогического государственного университета 17 ноября 2014 г., протокол № 4.

Заведующая кафедрой философии
ФГБОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет»
доктор философских наук, профессор

Грифцова Ирина Николаевна

